даже отдаленно не испыталъ Толстой, и постольку его опрощеніе всегда оставалось—sit venia verbo—бутафорскимъ, было до извѣстной степени средствомъ леченія, въ родѣ шведской гимнастики или „физическаго труда“. Конечно, это онъ всегда сознавалъ и самъ. Однако рѣчь идетъ здѣсь не о личной нерѣшительности или непослѣдовательности Толстого или хотя любого изъ насъ. Пусть бы онъ былъ послѣдователенъ и, дѣйствительно, отказался бы отъ всего. Но развѣ онъ сравнялся бы чрезъ это съ тѣми, отъ которыхъ отличаться не хотѣлъ? Вотъ онъ совѣтуетъ пахать землю, но мало-ли безземельныхъ? совѣтуетъ шить сапоги, но мало-ли безработныхъ? совѣтуетъ работать руками, но развѣ мало увѣчныхъ? совѣтуетъ ѣсть простую пищу, но мало-ли голодающихъ? Гдѣ найти границу этой нивеллировки, на чемъ остановиться? Да и кромѣ того, развѣ такъ легко отречься отъ себя? Развѣ и опрощающійся Толстой не уноситъ съ собой всю вѣковую барскую культуру, свое образованіе, да, наконецъ, и свой геній? Мыслимо-ли вообще *сравняться* съ другими, когда въ жизни все индивидуально и неповторяемо? Какъ бы ни велика была сила соціальнаго покаянія, но такой задачи неспособно разрѣшить никакое опрощеніе, ибо это есть ложно поставленная задача: стать какъ всѣ невозможно, ибо каждый не есть какъ всѣ. И стряхнуть съ себя грѣхъ исторіи, соціальный, а вмѣстѣ и свой личный грѣхъ невозможно никакимъ опрощеніемъ, никакимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, онъ изглаживается лишь покаяніемъ предъ Богомъ, искупается лишь Божественною кровію. Въ опрощеніи есть ложный и опасный уклонъ фарисейской самоправедности, умываніе рукъ неучастіемъ.

Если соціальный мотивъ опрощенія можно признать правильнымъ въ исходномъ пунктѣ и извращающимся лишь въ дальнѣйшемъ развитіи, то религіозный его мотивъ—исканіе Бога у мужика посредствомъ мужицкаго труда — намъ представляется прямо ложнымъ. Это народобожіе есть плохо прикрытое религіозное безсиліе, неспособность къ вѣрѣ при страстномъ стремленіи къ ней. Я думаю, что для Толстого это былъ лишь кратковременный переходный періодъ. Правда этого мотива въ томъ, что истинная вѣра добывается только жизнью, вынашивается въ жизненныхъ испытаніяхъ, и что истинная вѣра требуетъ новой жизни по вѣрѣ. Но совершенно ложно было бы однако обратное заключеніе, что достаточно барину взяться за соху или шило, чтобы обрѣсти отсутствующую